

ЯЗЫК ДИСКУРСИВНОГО СООБЩЕСТВА УЧАСТНИКОВ ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УРАЛА)¹

О.А. Теуш

*Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
olga.teush@yandex.ru*

Статья посвящена выявлению особенностей дискурсивного поля «Лесохозяйственная деятельность на Урале», релевантного профессиональной коммуникации. Актуальность исследования определяется особым вниманием современной лингвистики к вопросам региональной специфики как бытового, так и профессионального дискурса. Анализ теоретических источников свидетельствует о том, что разработка данной проблематики находится на начальном этапе. Целью настоящей статьи является этимологическое и ономаσιологическое описание единиц дискурсивного поля «Лесохозяйственная деятельность на Урале». Для реализации поставленной цели используются семасиологический, ономаσιологический методы и метод научного описания. В ходе анализа эмпирического материала автором выявляются лексические единицы, включенные в поле, интерпретируется их происхождение, определяются основные сегменты поля. В результате проведенного исследования дискурсивного поля «Лесохозяйственная деятельность на Урале» выявлено, что в уральской региональной лексической системе выработана специфическая система понятий, реализованная в языковой деятельности диалектоносителей. Автор приходит к заключению о том, что уральская общедиалектная основа является базой для современной профессиональной коммуникации лесоводов и лесопромышленников региона.

Ключевые слова: дискурсивное поле, лексема, лесохозяйственная деятельность, региональная специфика, Урал, профессиональная коммуникация, диалект

1. ВВЕДЕНИЕ

Лесное пространство Урала издревле освоено человеком и является источником древесины для постройки, местом заготовки дров, охотничьим угодьем и местом сбора ягод и грибов. Разнообразие и специфика лесохозяйственной деятельности обусловили выработку особого языка профессионального общения, обслуживающего указанную сферу традиционных занятий населения Урала. Объектом исследования в настоящей статье являются единицы особого коммуникативно-дискурсивного поля «Лесохозяйственная деятельность на Урале». Предмет изучения включает специфику семантики и внутренней формы лексем, особенности их функционирования в русском профессионально-диалектологическом дискурсе. Актуальность исследования определяется усилением внимания современной лингвистики к проблемам региональной специфики дискурса, разработка которых находится на начальном этапе. Новизна исследования состоит в выборе объекта, не подвергавшегося изучению.

Основным источником эмпирического материала, анализируемого в статье, является этноидеографический словарь «Традиционная культура Урала» [Липина, 2000]. Используются традиционные методики семасиологического и ономаσιологического анализа и метод научного описания. Отбор идеограмм осуществляется на основе идеографической схемы, разработанной О.В. Востриковым [Востриков, 2000].

¹ Исследование подготовлено в рамках проекта «Каменный пояс России: историко-культурный ландшафт как ресурс развития территории».

2. ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ «ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА УРАЛЕ»: АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Основной вид лесоводческой деятельности уральского жителя – это заготовка дров и веников, которая производилась в тех лесных массивах, которые специально отводились для вырубki. Такие участки леса находились в собственности. «Участок леса, принадлежащий заводу» именовался *казна́* (Байк., Зайк.), *казник* «то же» (Зайк.) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1971, с. 10]. Участок лесного пространства «используемый совместно, коллективно, принадлежащий всем» (русск. *общий* [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 550]) называется *община* «общий лес» (Бутк.) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1981].

Государственный участок леса охранялся: *охрана* «охраняемый участок леса, заказник» (Карпин.) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1981, с. 100]. Лесной сторож (*лесник* [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 403]) регулярно осматривал подведомственный ему участок: *обход* «участок леса, закрепленный за одним лесником» (Ивд.) [там же, с. 129].

«Участок земли под лесом» в современном русском литературном языке называется *дача* [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 181]. Лексема функционирует в уральских диалектах: *да́чи* «участок леса, принадлежащий одной семье крестьян, используемый для хозяйственных нужд» (Тур.) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1964, с. 131].

Специфика уральского климата, который является холодным и суровым, обуславливает потребность в большом количестве материалов для топki. Лес рубился профессиональными рубщиками. Для заготовки дров выбирали наименее ценные участки леса: *дровяник* «участок леса для заготовки дров» (Сев., Вост.) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1964, с. 145] («Дровеник, который лес на рубку дров» (Махн.)), *полённый* «лес, идущий на дрова» (Туг.) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1983, с. 80] («Поленник на дрова берем»).

Соответствием литературного *срубать* (несов. к *срубить* «рубя, свалить или отсечь») [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 934] является *курёнить* «рубить лес на дрова» (Реж.) [Липина, 2000, с. 115], которое имеет праславянское происхождение: связано с корнем **kur-*, имеющим значение «топить, разжигать» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 391]. Семантика интенсивного действия в основе диал. *воробить* «заготавливать дрова» (Ирб.) [там же, с. 115]: < праслав. **vorb-*, имеющему соответствие в литовск. *virbėti* «кишеть, двигаться, шевелиться» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 110]. В дискурсе интенсивность действия подчеркивается через экспрессию: «В соломенных-то вдовах [= разведенной] не шибко сладко – и дрова сама воробишь, и заплот [= забор] щинишь, и сено ставишь» (Шарапово) [там же, с. 115]. Энергичный характер деятельности реализуется через внутреннюю форму лексем *сбадривать* «заготавливать дрова» (Камышл.) [там же, с. 115] («А теперь и дрова и сено сама сбадришь») (Малое Квашино): связано с чередованием гласных *a/o* с *бóдрый* «полный сил, деятельности, энергии» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 53]; *выпластать* «нарубить дров» (Н-Серг.) [там же, с. 116] («Вчера вдвоем выпластали сажени три дров» (Михайловский Завод)) – ср. разг. *напластать* «нарезать ломтми, пластами» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 489]; *натóркать* «то же» (С-Ур.) [там же, с. 116] («Наторкай дров – хлеб завтра пекти» (Всеволодо-Благодатское)), *потóркать* «носить дрова» (Тур.) [там же, с. 117] («Сколь поторкала дров?» (Дымково)) – реализуют экспрессивную семантику корня *-тор-*, связанного чередованием гласных с *-тер-* (русск. *тереть*) [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 91]; *натю́кать*

«нарубить дров» (Ирб.) [там же, с. 116] («Сходил бы хоть дров натюкал» (Кирга)), ср. также *растюканный* «наколотый» (Н-Тавд.) [там же, с. 116] («Ташши растюканную-то доску» (Еремино)); «Растюкан-то чурбан хорошо сгорит» (Антропово)) – связаны с *тjокать* «ударять раз за разом, слабо, слегка» звукоподражательного происхождения [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 1010]; *нарéзать* «то же» (Реж., Тал.) [там же, с. 116] («Надо завтра дров нарезать» (Фирсово)); «Степка, нарежь подь дров-то» (Малое Ефремово)); *порéзать* «то же» (Алап.) [там же, с. 116] («Щаса-то в два порежу дрова-те» (Таборы)); *рéзать* «пилить дрова» (Н-Тавд.) [там же, с. 116] («Дрова валим, потом режем» (Сосновка)) – экспрессивная конкретизация значения глагола *рéзать* «разделять на части, отделять от целого чем-нибудь острым» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 835]; *бjткать* «колоть дрова, наколоть дров» [там же, с. 116] – восходит к и.-е. корню **bhout-* «ударять, бить», продолжения которого в славянских языках экспрессивны, ср., например, укр. *бyтити* «буйствовать» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 68]. Звукоподражательного происхождения лексемы *нахрjпать* «наколоть дров» (Камен.) [там же, с. 116] (как и литер. *хрjпать* «ест с хрустом», *хрjпнуть* «треснуть, надломиться с треском» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 1073]), *нахрjстать* «то же» (Тал.), *похрjстать* «то же» (Сукс.) [там же, с. 116] (как и литер. *хрjстнуть* «сильно ударить» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 1074]).

Для заготовки дров избирался определенный период времени, определяемый вегетативными свойствами деревьев: «Раньше дрова заготавливали в сок и до сенокосу. Потому что, когда береста отстает, они соковые и сухие, дрова-то. Чтобы до сенокосу вырубить дрова-то. Отведут лесосеку, тут руби» (Камен., Сосновское) [Липина, 2000, с. 115]. Сам период рубки дров в дискурсе номинировался *дровосék* (Тал., Туг.): «В дровосек все в лес на дрогах» (Юшково), «Дрова на зиму режут в дровосек» (Колобово), «Березовка хороша, когда дровосек начинаться» (Кокуй) [там же, с. 115]. Если не удавалось нарубить необходимое количество дров в наиболее удачное с точки зрения вегетации время, то процесс заготовки проходил поэтапно: «Весной отсеются и дрова готовят. И полененки [= поленницы] в поле. Потом уборошна отойдет, опять на лошадакх по снежку домой вывезет все дрова. Раньше ведь столько-то не нарубали дров. Раньше только на растопку готовили. А зимой запрягут лошадей, пилы, топоры, привезут сырнягу [= сырых дров]. Мама накладет, там загорит, она сыры дрова потом подкладывает и в каминку, и в печку, и в железну печку. Сухи-то все дрова привезут, а потом сыры возят. Неделю-две потопили, опять дрова рубить едут. Сухие дрова в ограде хранили, под крышей. Раньше ведь никто не воровал» (Камышл., Квашнино) [там же, с. 115-116].

Лес, не подвергшийся вырубке, обозначается как *недоруб* «невырубленный участок леса» (Ивд.), *недоруба* «то же» (Байк.) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1971]. Такой лес оставляли невырубленным специально с целью воспроизводства лесного массива: *семjнки* «деревья, оставленные при сплошной рубке леса для последующего обсеменения вырубке» (Кушв., Тал.) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1984, с. 132] («Семjнки запятнают, защешут дерево и оставляют его на семена» (Кушв., Верхняя Ослянка)). На самом месте заготовки леса часть деревьев также оставляли *вjрубка* «лес, растущий на месте вырубленного» (Реж.) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1964].

По окончании процесса заготовки дров (*отрубjться* «закончить колоть дрова», несов. *отрубjться* (Реж.): «Мы в ту пор уж отрубjлись» (Липовское), «В десять дней мы уж отрубjлись, семья-то больша была» (Липовское) [Липина, 2000, с. 116]) необходимо было перенести дрова и сложить для хранения – *потjркать* (Тур.) [там же, с. 117] (корень *тор-* связан чередованием с *тер-* (русс. литер. *тереть*) [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 991]).

В тот же период, что и дрова, заготавливали веники: «До Петрова дня только веники собирают» (Алап., Деево) [Липина, 2000, стр. 117]. Чередованием гласных с разг. литер. *растрепать* – сов. к *трепать* «раздергивая, разрыхлять и очищать» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 998] связано диал. *растрополить* «разделатъ ветку березы на веник» (Камен.) [Липина, 2000, с. 117].

Для растопки, разжигания огня смолистые пни рубили на щепки, которые имели различные наименования. Поскольку горючим веществом является смола, из смолистых пней кололи щепу-лучину (*смольё* (Н-Тавд., Реж.), *смолья* (Н-Тавд.), *смольюшки* (Кр.-Уф.) [Липина, 2000, с. 68]), которая при использовании для розжига номинировалась *испёчка* (Н-Таг.), *поджигжка* (Н-Серг.) [там же, с. 68] (образование от глагола *поджигать* – несом. к *поджечь* «поднеся огонь, воспламенить» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 665]), *подсуха* (Сукс.), *подтопок* (Камен., Реж.) [Липина, 2000, с. 68]. На Рождество огонь даже при наличии спичек разжигался только лучиной: «На Рождество спичками не зажигали огонь, а раздували от угля лучиной, и вот этот огарок, который добудешь [огонь], его не бросали. Ходили, когда слушаться, вот этим огарком очерчивали. Вот круг очертят большой, и в этот круг чертят и загадывают: «Что в этом году делается, то и нам послышется» (Байк., Ляпуново) [там же, с. 68].

Согласно традиционным представлениям вся деятельность в лесу контролируется лешим (*леший* «в славянской мифологии: человекообразное сказочное существо, живущее в лесу, дух леса, враждебный людям» [Толковый словарь русского языка, 2008, с. 405]). Отличительным качеством лешего считается упрямство: *лешим наквашен* ‘об упрямом, вредном человеке’ (Кушв.): «Ох, ты видно лешим наквашен, никак не соглашайся!» (Кушв., д. Верхняя Ослянка) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1971, с. 96].

В уральских диалектах леший именуется *лесной* (Алап., Богд., Верхот., Камышл., Копт., Кушв., Махн., Н-Таг., Сл-Тур., Сукс.): «Лесной в лесу ходит» (Сукс., с. Мартемьяново) [там же, с. 93]. Слово задействовано в многочисленных бранных выражениях: *к лесному поди (иди)* «прочь, вон» (Алап., Верхот., Гар., Камышл., Н-Тур.): «Важивал дедушку лесной, ему щас не говори «Поди ты к лесному», – рассердится» (Верхот., с. Отрадново); *лесной несет (принес, тащит)* «о пришедшем некстати» (Алап., Верхот., Н-Тур.): «Куды лесной вас тащит?» (Алап., с. Новоселово); *лесной унес* «о ком-то, о чем-то затерявшемся» (Богд.): «Лесной тебя куды-то унес и нету» (Богд., с. Байны); *понеси тебя лесной* «восклицание, выражающее возмущение, негодование» (Верхот., Кр.-Ур.); *лесной знает* «никто не знает» (Верхот., Махн.): «А лесной его знат, чего людям надо!» (Махн.); *лесной в рот* «типун на язык» (Гар.); *до лесного* «долой, прочь» (Алап.): «Ну его до лесного» (Алап., с. Новоселово), *до лесного* «много» (Верхот.): «Вон эконьки забегали, дак до лесного их» (Верхот., д. Злыгостева); *на лесного* «зачем, для чего» (Верхот.): «На лесного это, потолок-от мыть?» (Верхот., д. Карелино) [там же, с. 93].

Иное наименование лешего – *лешак* (Богд., Камышл., Н-Серг.) [там же, с. 95] – также употребляется как бранное слово: «У, лешак ты эдакай – кто неладно что сделает (Н-Серг., д. Половинка); «Такой лешак, куды ты к нему пошла?» (Богд., с. Байны). Бранные выражения строятся по той же модели, как и у предшествующего слова: *лешак тебя понеси (унеси, возьми, заберу, унёс бы, побрал бы)* «восклицание, выражающее возмущение, негодование» (В-Пышм., В-Тавд., Копт., Кр.-Ур., Н-Тур., Перв., Сл-Тур., С-Ур., Таб.); *куда лешак понёс (унёс, несёт)* «куда пошел?», «где был?» (Алап., Богд., Верхот., Гар., Камен., Кр.-Ур., Кушв., Н-Серг., Серов.); *лешак принёс (несёт, привёл)* «о пришедшем некстати» (Верхот., Кр.-Тур., Н-Тур.): «Лешак принес его – пьяной» (Верхот., д. Злыгостева); «Вон лешак несет, баушка идет!» (Н-Тур., д. Елкино); *лешак знает* ‘никто не знает’ (Верхот., Махн., Полев., Таб.): «Лешак знает, куда я его

положила» (Махн, с. Мугай); *к лешаку послать* ‘послать вон, прочь’ (Ивд.): «Да пошли его к лешаку» (Ивд., д. Першино); *на какой лешак* ‘зачем, к чему’ (Н-Тур.): «Бабы – на какой они мне лешак!» (Н-Тур., д. Новая Тура); *лешак с тобой* ‘пусть будет по-твоему’ (Кушв.) [там же, с. 96].

Один из типичных рассказов о лешем таков: «Батя мой охотником был. Летятину бил. Пошел однажды искать избушку, да и отемнял. Идет по лесу, вдруг видит: сидит лесной на пеньке и лапти плетет. И на месяц ругается: «Свети, светило, а то столкну!» Темно ему, вишь, лапти-то плести. А отец мой храбрый был. Он и говорит: «Чего сидишь? Вот пристрелю сейчас». Лесной-то и пошел от него» [Предания и легенды Урала, 1991, с. 258].

По поверьям, у лешего есть жена – *лешачиха* (Богд., Верхот., Гар., Камен., Камышл., Н-Тур., Петр., Сл-Тур., Туг.): «В лесу она живет, лешачихой называется» (Сл-Тур., с. Ивановка); «Там лешачиха – не бегайте, робята на реку» (Камышл., д. Скаты); «Лешачиха сидела, голову щесала» (Н-Тур., д. Елкино) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1971, с. 96]. Лексема *лешачиха* употребляется как бранное слово по отношению к злой, сварливой или уродливой женщине (Богд., Ивд., Камышл., Н-Серг., Перв., Реж., С-Ур.): «Ах ты, лешачиха проклята!» (Ивд., д. Першино); «Соседку лешачихой звали у нас, злая была» (Камышл., д. Николаевка); «Это не баба, а лешачиха чистая» (С-Ур., с. Всеволодо-Благодатское) [там же, с. 96].

Еще одно диалектное название лешего – *вотчинник* (Гар.) [Словарь русских говоров Среднего Урала, 1964, с. 95]. Лексема производна от *вотчина* «лесной участок, угодье» (Н-Серг.), «место, где питается зверь» (Ивд.) [там же, с. 95]. Считается, что хозяин лесного участка (*вотчинник*) помогает охотникам: «Вотчинник пушнинаой руководит, доброй охотник ему всегда поллитровочку поставит» (Гар., Гари); «Если хочешь промыслить [= добыть дичь], дак держись за вотчинника» (Гар., Лупта) [Востриков, 2000, с. 152].

Таким образом, анализ дискурсивного поля «Лесохозяйственная деятельность на Урале» показывает, что в региональной лексической системе издавна выработана специфическая система понятий, реализованная в языковой деятельности диалектоносителей. Эти понятия соотносятся как с предметной сферой, так и с мифологической. Обозначенная система является устойчивой и функционирует вплоть до начала XXI в. Уральская общедиалектная основа является базой для современной профессиональной коммуникации лесоводов и лесопромышленников региона. В перспективе привлечение дополнительных лексикографических источников позволит определить точные параметры исследуемого дискурсивного поля, оценить степень его наполненности.

3. ВЫВОДЫ

В настоящей статье представлена и интерпретирована региональная лексическая система, реализующаяся в коммуникативно-дискурсивном поле «Лесохозяйственная деятельность на Урале» и служащая основой современного русскоязычного профессионального дискурса. Выявлены специфические компоненты системы, определено их происхождение. Оценено место общенациональной русской профессиональной лексики в диалектной специальной лексической системе. Описаны ценностные доминанты в семантике исследуемых лексем, связанные с профессиональным дискурсом. Проанализированы экстралингвистические факторы условий формирования языка дискурсивного сообщества участников лесохозяйственной деятельности.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Географические названия

Алап. – Алапаевский район Свердловской области
Байк. – Байкаловский район Свердловской области
Богд. – Богдановичский район Свердловской области
Бутк. – Буткинский район Свердловской области
Верхот. – Верхотурский район Свердловской области
Вост. – Восточная часть Среднего Урала
В-Пышм. – Верхнепышминский городской район Свердловской области
В-Тавд. – Верхнетавдинский район Свердловской области
Гар. – Гаринский район Свердловской области
Зайк. – Зайковский район Свердловской области
Ивд. – Ивдельский район Свердловской области
Ирб. – Ирбитский район Свердловской области
Камен. – Каменский район Свердловской области
Камышл. – Камышловский район Свердловской области
Карпин. – Карпинский район Свердловской области
Копт. – Коптеловский район Свердловской области
Кр-Тур. – Краснотурьинский городской район Свердловской области
Кр-Ур. – Красноуральский городской район Свердловской области
Кр-Уф. – Красноуфимский район Свердловской области
Кушв. – Кушвинский район Свердловской области
Махн. – Махневский район Свердловской области
Н-Серг. – Нижне-Сергинский район Свердловской области
Н-Тавд. – Нижне-Тавдинский район Тюменской области
Н-Таг. – Нижне-Тагильский городской район Свердловской области
Н-Тур. – Нижне-Туринский район Свердловской области
Перв. – Первоуральский район Свердловской области
Петр. – Петрокаменский район Свердловской области
Полев. – Полевской городской район Свердловской области
Реж. – Режевский район Свердловской области
Сев. – Северная часть Свердловской области
Серов. – Серовский район Свердловской области
Сл-Тур. – Слободо-Туринский район Свердловской области
Сукс. – Суксунский район Пермской области
С-Ур. – Североуральский городской район Свердловской области
Таб. – Таборинский район Свердловской области
Тал. – Талицкий район Свердловской области
Туг. – Тугулымский район Свердловской области
Тур. – Туринский район Свердловской области

2. Языки

и.-е. – индоевропейский праязык
литовск. – литовский язык
праслав. – праславянский язык
русск. – русский язык
укр. – украинский язык

3. Прочие

д. – деревня
диал. – диалектное
литер. – литературное

несов. – несовершенный вид
разг. – разговорное
с. – село
сов. – совершенный вид
ср. – сравни
стр. – страница

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Востриков О.В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Екатеринбург: Свердловский областной дом фольклора, 2000. Вып. V. Магия и знахарство. Народная мифология.
2. Липина В.В. Традиционная культура Урала. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург: Свердловский областной дом фольклора, 2000. Вып. VI. Быт. Ч. 1.
3. Предания и легенды Урала: фольклорные рассказы. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1991.
4. Словарь русских говоров Среднего Урала. В 7 т. / Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1964. Т. 1. А-И.
5. Словарь русских говоров Среднего Урала. В 7 т. / Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1971. Т. 2. К-Н.
6. Словарь русских говоров Среднего Урала. В 7 т. / Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1981. Т. 3. О-П.
7. Словарь русских говоров Среднего Урала. В 7 т. / Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1983. Т. 4. П-П.
8. Словарь русских говоров Среднего Урала. В 7 т. / Под ред. А.К. Матвеева. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1984. Т. 5. П-С.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2008.

REFERENCES

1. Lipina V.V. (2000). *Tradicionnaja kul'tura Urala. Opyt jetnoideograficheskogo slovarja russkih govorov Sverdlovskoj oblasti The traditional culture of the Urals [The experience of the ethno-ideographic dictionary of Russian dialects of the Sverdlovsk region]*. Ekaterinburg: Sverdlovskij oblastnoj dom fol'klora. Issue VI, Part 1 (in Russian).
2. Matveev, A.K. (Eds). (1964). *Slovar' russkih govorov Srednego Urala. V 7 t. [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals. In 7 volumes]*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 1 (in Russian).
3. Matveev, A.K. (Eds). (1971). *Slovar' russkih govorov Srednego Urala. V 7 t. [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals. In 7 volumes]*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 2 (in Russian).
4. Matveev, A.K. (Eds). (1981). *Slovar' russkih govorov Srednego Urala. V 7 t. [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals. In 7 volumes]*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 3 (in Russian).
5. Matveev, A.K. (Eds). (1983). *Slovar' russkih govorov Srednego Urala. V 7 t. [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals. In 7 volumes]*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 4 (in Russian).
6. Matveev, A.K. (Eds). (1984). *Slovar' russkih govorov Srednego Urala. V 7 t. [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals. In 7 volumes]*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Vol. 5 (in Russian).

7. *Predanija i legendy Urala: fol'klornye rasskazy [Traditions and legends of the Urals: folklore stories]*. (1991). Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, (in Russian).
8. Shvedov, N.Ju. (Eds). (2008). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vključenijem svedenij o proishozhdenii slov [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information on the origin of words]*. Moscow: "Azbukovnik" (in Russian).
9. Vostrikov, O.V. (2000). *Tradicionnaja kul'tura Urala. Jetnoideograficeskij slovar' russkih govorov Sverdlovskoj oblasti [The traditional culture of the Urals. Ethnoideographic dictionary of Russian dialects of the Sverdlovsk region]*. Ekaterinburg: Sverdlovskij oblastnoj dom fol'klora. Issue V. Magic and medicine. Folk mythology (in Russian).

LANGUAGE OF THE FORESTRY DISCURSIVE COMMUNITY (BASED ON THE TRADITIONAL CULTURE OF THE URALS)

Olga A. Teusch

*Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)
olga.teush@yandex.ru*

The article is devoted to the peculiarities of the discursive field "Forestry activity in the Urals". The relevance of the study is determined by the increased attention of modern linguistics to the problems of regional specificity of professional discourse, the development of which is at the initial stage. The aim of the article is the etymological and onomasiological description of the units of the discursive field, characterized as "Forestry activity in the Urals". Semasiological, onomasiological methods and the method of scientific description are used to achieve this goal. Lexical units included in the field are identified, their origin is interpreted. The main field segments are defined. As a result of the analysis of the empirical material belonging to the "Forestry activity in the Urals" discursive field, it was revealed that in the Ural regional lexical system a specific system of concepts was developed. It has been implemented in the speech activity of dialect speakers. The Ural General dialect foundation is the basis for the modern professional communication of foresters and timber producers of the region.

Keywords: discursive field, lexeme, forestry activity, regional specificity, Ural, professional communication.